

М. М. Тареев

Христианская свобода

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М11

М11 **М. М. Тареев**
Христианская свобода / М. М. Тареев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
426 с.

ISBN 978-5-458-56297-3

Основы христианства. Система религиозной мысли. Том 4. Христианская
свобода.

ISBN 978-5-458-56297-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

- I. ИСТИНА И СИМВОЛЫ ВЪ ОБЛАСТИ ДУХА.
- II. ХРИСТИАНСКАЯ ПРОБЛЕМА И РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ.

Предметъ настоящаго тома—вопросъ объ отноше-
ніи христіанства къ жизни во всей полнотѣ ея при-
родныхъ запросовъ и историческаго развитія, къ со-
временнымъ задачамъ семейнымъ, общественнымъ,
государственнымъ. Этотъ вопросъ здѣсь рѣшается по
принципу *христіанской свободы*—свободы абсолютнаго
религіознаго духа отъ условности историческихъ формъ
и свободы природно-исторической жизни отъ внѣш-
нихъ притязаній религіозной власти. Природно-исто-
рическая жизнь, раскрывающаяся въ задачахъ семей-
ныхъ, общественныхъ и народныхъ, представляется
мнѣ въ видѣ системы окружностей, обнимающихъ еди-
ный центръ—личное религіозное творчество, гдѣ при-
родно-историческая плоскость, движущаяся въ грани-
цахъ условнаго развитія, проваливается въ глубь абсо-
лютныхъ устремленій. Внутренняя изъ этихъ окруж-
ностей, прилегающая къ центральной сферѣ, есть нрав-
ственность, обращенная одною стороною къ внутрен-
ней абсолютности и другою—къ общественно-утили-
тарной условности: она служитъ связующимъ звеномъ
между христіанской религіей и общественно- истори-
ческою условностью. Свободная религія должна опи-
раться на свободное природно-историческое разви-
тіе,—это прежде всего значитъ, что религіозная абсо-
лютность должна облекаться въ морально-культурное
одѣяніе. Поэтому центральная идея свободнаго духа
и свободной плоти выражается въ болѣе конкретномъ
образѣ этической религіи. На этомъ пути встрѣчаются
двѣ крайности—историческаго аскетизма и амораль-
наго эстетизма, одинаково далекія отъ нашей идеи:
абсолютная любовь къ Богу должна стать реальною
силою въ любви къ человѣку, и это связываетъ ре-

лигію съ общественною жизнію. Но, съ другой стороны, общественно - утилитарныя задачи не должны расхищать всей духовной силы чловѣка, должны дать мѣсто лично-религіозной абсолютности духа, которая придаетъ высшее оправданіе жизни. Освободить духовную религію отъ символической оболочки и внѣдрить ее въ живую жизнь—такова наша задача.

Принципъ христіанской свободы уводитъ въ глубь личной религіи — не потому, что теорія свободы духа и свободы плоти есть личная теорія, хотя извлеченная изъ основоположительныхъ началъ христіанства, однако совершенно чуждая современному сознанию, но потому, что осуществиться принципъ этотъ можетъ лишь въ сферѣ личной религіи, личной абсолютности. Тѣмъ не менѣе я не утверждаю рѣшительной независимости личной духовной религіи отъ историческаго христіанскаго міросозерцанія: здѣсь имѣетъ мѣсто общій законъ религіознаго развитія, законъ отношенія лично - прогрессивнаго религіознаго начала къ общественно-историческому консервативному началу. Личная религія не просто смѣняетъ исторически - общественное міросозерцаніе, но связана съ нимъ отношеніемъ антитезы къ исторически - поверхностному и углубленія къ вѣчно-истинному...

Истина и символы въ области духа.

Типы религіозно-нравственной жизни.

I.

Одну изъ важнѣйшихъ задачъ современнаго богословія составляетъ обзорѣніе дѣйствительныхъ формъ человѣческой жизни въ ихъ отношеніи къ нравственному закону, изученіе реальныхъ условій жизни, которыми ограничивается и въ которыхъ осуществляется нравственный идеаль, оцѣнка дѣйствительной жизни — не въ индивидуальныхъ проявленіяхъ, которыми вѣдаетъ проповѣдникъ, а въ общихъ видахъ и типахъ—по нормамъ нравственности. Въ эту задачу какъ ея составная часть входитъ изученіе религіозно-нравственныхъ типовъ.

Источниками изученія религіозно-нравственныхъ типовъ служатъ собственное наблюденіе, исторія, психологія, нраво-описательная и обличительная письменность и изящная литература. Русскій богословъ съ особымъ вниманіемъ долженъ воспользоваться изящною литературою, потому что русская беллетристика представляетъ собою отрадное явленіе въ нашей жизни, наивысшій плодъ русскаго творчества. Это работа русскаго гения цѣломудренная, вдумчивая, правдивая, мистически-возвышенная и согрѣтая сострадательною любовью къ труждающимся и униженнымъ. Она имѣетъ высокую гносеологическую цѣнность по религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Союзъ богословія съ русскою литературою долженъ принести цѣнные плоды.

Религія, по самому общему понятію, есть нравственное отношеніе конечнаго къ безконечному, земнаго къ небес-

ному, человѣческаго къ божественному. Соответственно тому, проявляется ли въ этомъ отношеніи преобладаніе земного, человѣческаго, или небеснаго, божественнаго, всѣ религіозно-нравственные типы распадаются на двѣ группы.

Въ первую группу—съ характеромъ преобладанія земного, человѣческаго—входятъ два типа религіозно-нравственной жизни.

Первый изъ нихъ это типъ людей, которые при релігиозномъ настроеніи съ различною степенью силы, иногда весьма значительной, живутъ всецѣло мирскою жизнью, во всей полнотѣ ея страстей, интересовъ и цѣлей. Религія въ ихъ жизни это одно изъ цѣнныхъ средствъ достиженія земныхъ цѣлей, удовлетворенія человѣческихъ страстей,—средство, которое цѣнно особенно потому, что оно считается дѣйствительнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказываются безсильными всѣ земныя средства, и къ которому прибѣгаютъ люди съ сильною волею лишь тогда, когда опускаются въ безсиліи собственныя руки, а люди лѣнливые даже тогда, когда было бы достаточно просто труда, умѣнья и терпѣнья. Такая религіозно-нравственная жизнь близко знакома русскому наблюдателю. Андрей Печерскій (П. П. Мельниковъ) въ интересныхъ и правдивыхъ очеркахъ воспроизводитъ эту жизнь „Въ лѣсахъ“, этомъ привольѣ старообрядческаго благочестія. Блестящими красками онъ рисуеъ предъ нами проявленія этого благочестія, цѣлую атмосферу ладана, истоваго перстосложенія и колѣнопреклоненій предъ иконами древняго письма, ревниваго соблюденія преданій старцевъ; здѣсь люди истинно услаждаются церковнымъ благолѣпіемъ, чинными уставными службами, блескомъ иконъ и паникадилъ, синеватыми клубами ладана; здѣсь блудутъ благочестіе, дорожатъ имъ, охраняютъ себя отъ всего, что сквернить, а паче всего отъ общенія съ людьми, чуждыми древняго благочестія. Но подъ этимъ прозрачнымъ покрываломъ уставной чинности мнутся и клопочутъ сердечныя страсти въ первобытной несдержанности, въ широкомъ разгулѣ: „чревоугодіе, піанственнаго питія вкушеніе, объяденіе, невоздержаніе“, ненависть, зависть, честолюбіе, сребролюбіе. Здѣсь „грѣхъ со спасенъемъ по-сосѣдски живутъ“. Типичнымъ представителемъ такой жизни предъ нами выступаетъ Патапъ Максимычъ Чалурунъ. Не будучи „закоснѣлымъ

изувѣромъ "старообрядчества, онъ „до страсти любилъ церковное благолѣпіе“, въ домѣ у него были моленная, своя канонница, онъ былъ „истовымъ“ попечителемъ часовни; онъ чуть не цѣлый день заставляеть своихъ дочерей пѣть понравившеся ему тропари Богоявленію, много жертвуетъ на скиты, а тотъ скитъ, гдѣ править его сестра, содержится на его средства. Но еще болѣе того любилъ Патапъ Максимычъ вкусно и обильно покушать, обильно выпить, ублажить свою грѣшную плоть; страстно любилъ онъ широкій почетъ и богатство. Онъ ведетъ широкое коммерческое дѣло, весь до мозга костей погруженъ въ него, а хочетъ большаго и большаго. Онъ мечтаетъ о каменномъ домѣ въ Петербургѣ, предъ которымъ съ удивленіемъ останавливались бы прохожіе, о медаляхъ, крестахъ, мундирахъ, близкомъ знакомствѣ съ министрами, генералами, полковниками; онъ мечтаетъ о большой славѣ и даже о самоличной извѣстности самому Красному Солнышку. Онъ деспотиченъ, самонадѣянъ, строптивъ. Много въ душѣ его грязи. Онъ, по его собственнымъ словамъ, снаружи-то „блаженъ мужъ“, а внутри „всѣе шаташася“. Какимъ же союзомъ связываются и на какой почвѣ объединяются въ его душѣ искреннее благочестіе и земное пристрастіе?... Благочестіе для него полезно и пріятно. Такъ онъ „старинки“ придерживался потому, что у него расколомъ дружба и знакомство съ богатыми купцами держались, кредита отъ раскола больше было. Да кромѣ того, во время отлучекъ изъ дому, по чужимъ мѣстамъ жить въ раскольниковыхъ домахъ бывало ему привольнѣй и спокойнѣй. Куда бы онъ ни поѣхалъ, вездѣ и къ мало знакомому раскольникову идетъ онъ какъ къ родному. Всячески его успокоятъ, все приберегутъ, все сохранятъ и всѣмъ угодятъ. И то льстило Патапу Максимычу, что послѣ родителя былъ онъ попечителемъ Городецкой часовни и отъ часовеннаго общества былъ ему за то великій почетъ. А почетъ и особенно церковный почетъ Чапуринъ любилъ. Льстило его самолюбію, когда, бывая въ той часовнѣ за службой, становился онъ впереди всѣхъ, первый подходилъ къ цѣлованію евангелія или креста, получалъ отъ бѣлаго попа въ крещенскій сочельникъ первый кувшинъ богоявленской воды, въ вербную заутреню первую вербу, въ свѣтлое Воскресеніе первую свѣчу. Служеніе Богу

доставляло ему удовольствие, которое стояло въ одномъ ряду съ другими земными удовольствіями. Вотъ ему выпалъ „ладный денекъ“, счастливый, удачный, приведшій его въ пріятное расположеніе духа. И было чему радоваться: новый заказъ получилъ, долгъ отдали, выгодно пшеницу купилъ, вечерню выстоялъ, новаго попа въ служеніи видѣлъ, дочь выгодно просваталъ. Подъ эту единственную мѣрку Чапуринъ подводитъ всякое доброе дѣло. „Великъ прель Богомъ грѣхъ—родного человѣка изъ дому выгнать, говоритъ онъ женѣ относительно ея пьяницы-брата. Отъ людей зазорно, роду-племени покоръ! У добрыхъ людей такъ не водится. Слава Богу, насъ не объѣсть“. Кромѣ того онъ надѣялся сдѣлать изъ него, протрезвивъ его, хорошаго прикащика „Доходна до Бога молитва нишаго“, говорить ему жена. „Подавай за Настю, чтобъ Господь послалъ ей хорошаго мужа“. Въ той средѣ, въ которой жилъ Патагъ Максимычъ, было несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что молитва и не только собственная молитва, но даже купленная молитва другихъ, много содѣйствуетъ человѣку въ достиженіи загробнаго бдаженства и даже въ земныхъ дѣлахъ, независимо отъ ихъ нравственной цѣнности. Патагъ Максимычъ любилъ жертвовать на скиты; только помнилъ онъ при этомъ не объ одной загробной жизни, но вѣрилъ во временное воздаяніе. Изъ исторіи Іова, сидѣвшаго на гноищи, больше всего его вниманіе привлекало то, что „подалъ ему Богъ больше прежняго“.

II.

Второй типъ это типъ людей, которые всю свою страстность, свои интересы перенесли въ область религіи, въ которой они видятъ свое вѣдомство, свой удѣлъ, свою службу. Человѣкъ второго религіозно-нравственнаго типа не имѣетъ внѣ религіи интересовъ, но въ религіи не имѣетъ ничего кромѣ своихъ личныхъ интересовъ, своихъ страстей. Этотъ человѣкъ слышалъ призваніе Божіе и, оставивъ Халдею, будничную жизнь, переселился въ Палестину, на церковную службу, въ духовное вѣдомство, но подобно Рахили перевезъ сюда своихъ идоловъ, которымъ продолжаетъ поклоняться на новомъ мѣстѣ. Это служитель алтаря, который, обитая при храмѣ, перенесъ сюда свои пожитки и свои

привычки и расположился здѣсь и чувствуетъ себя какъ дома; это жрецъ, который, ухаживая за идоломъ, вычищая его и перемѣняя на немъ одежды и украшения, привыкъ къ нему, сознаетъ его беспомощность и свое значеніе для него и въ отсутствіе свидѣтелей фамильярно хлопаетъ его по плечу; это прорицатель, который знаетъ, что сила оракула въ его собственномъ умѣ. Основное религіозно-нравственное направленіе этого рода людей опредѣляется убѣжденіемъ, что дѣло Божіе совершается человѣческими силами, умомъ людей, ихъ умѣньемъ, ловкостью, сообразительностью. Въ глубинѣ ихъ души таится невѣріе въ Божіи пути, недовѣріе въ Божіему разуму, Его промыслу. Они горды своимъ значеніемъ для дѣла вѣры, они боятся, что безъ ихъ сознательныхъ усилій, специальныхъ учрежденій и дѣйствій оно погибнетъ; они не вѣрятъ въ свободу людей, въ ихъ расположеніе къ добру, они видятъ въ добрѣ не самоудовлѣющее благо, но только законъ, они не понимаютъ, что въ царствѣ Божіемъ духу человѣческому свѣтло и радостно, что атмосфера, свободная отъ мученій братскаго гнѣва, отъ нечистотъ разврата, отъ терзаній мести и внѣшняго противленія злу, атмосфера любви, прощенья, благословенія враговъ, молитвы за гонителей, что эта атмосфера приноситъ нашему духу блаженство, что стоитъ лишь привести избраннаго Отцомъ Небеснымъ въ соприкосновеніе съ царствомъ Его и онъ неудержимо увлечется къ нему, а непризванныхъ никакими мѣрами нельзя сдѣлать сынами Богу, что нужна человѣку прежде всего свобода отъ собственнаго грѣха и внѣшняго насилія. Представителей этого типа людей нужно искать, какъ само собою понятно, среди носителей церковной власти. Великолѣпно, съ исключительною рельефностью, колоритностью и глубиной представленъ этотъ типъ Ѳ. М. Достоевскимъ въ „Великомъ Инквизиторѣ“. Господь Иисусъ Христосъ основалъ царство Божіе на принципѣ, выразившемся въ побѣдѣ надъ искушеніями отъ діавола въ пустынѣ, на принципѣ свободнаго слѣдованія избранныхъ и призванныхъ царству духа. „Видишь ли, говорилъ Ему въ пустынѣ искушитель, видишь ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы и за Тобой побѣдитъ человѣчество, какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что ты

отынешь руку Свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои“. Но Онъ не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Онъ, если послушаніе куплено хлѣбами. Во имя свободной любви и свободной вѣры человѣка Онъ отвергъ также тѣ силы—чувло, тайну и авторитетъ, которыми могъ бы на вѣки побѣдить и плѣнить совѣсть людей. Онъ отвергъ предложеніе діавола броситься внизъ съ крыла храма, чтобы ангелы подхватили и понесли Его и не дали! Ему упасть на землю и разшибиться; Онъ жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной; жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника предъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ. Наконецъ во имя той же свободы духа Онъ отвергъ предложеніе искусителя покорить людей и объединить ихъ внѣшнею властью, царскимъ авторитетомъ, основать всемирную монархію.—Но свобода духа доступна лишь немногимъ избранникамъ. Тысячи и десятки тысячъ идутъ за Господомъ во имя небеснаго хлѣба, вѣруютъ безъ чуда и живутъ свободою духа; но миллионы, десятки тысячъ миллионныхъ слабовольныхъ и слабосильныхъ не могутъ пренебречь хлѣбомъ земнымъ для небеснаго, не могутъ вѣровать безъ чуда и тайны, не могутъ объединиться безъ внѣшняго авторитета, не могутъ различать добра и зла безъ ига закона, не могутъ жить свободою совѣсти безъ внѣшней власти. II „Великій Инквизиторъ“ былъ въ пустынѣ, питался акридами и кореньями, благословлялъ свободу, дарованную Господомъ, и готовился уже стать въ число избранниковъ Его, въ число могучихъ и сильныхъ съ жаждой „восполнить число“. Но Онъ очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Онъ воротился и примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые *исправили подвигъ Его*. Онъ ушелъ отъ гордыхъ и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ смиренныхъ. Онъ хочетъ спасенья и счастья всѣхъ десятковъ тысячъ миллионныхъ. Они могутъ достигнуть спокойствія совѣсти и безмятежнаго счастья лишь въ оковахъ самой строгой внѣшней дисциплины, рабской покорности внѣшней власти. Носителемъ такой церковной власти и является предъ нами „Великій Инквизиторъ“. Его встрѣча съ явившимся на землю Господомъ составляетъ въ поэмѣ поразительную картину. Пятнадцать вѣковъ спустя Господь пожелалъ хоть на мгно-